

Т.В. Доронина, Н.В. Францова

«Анчар»

Стихотворение «Анчар» согласно традиционному идейно-тематическому подходу к творчеству Пушкина принадлежит к вольнолюбивой лирике. Это не противоречит отнесению его к лирике философской. Тема свободы как таковая в нем преломлена — речь идет о внутренней несвободе человека и ее последствиях.

В стихотворении девять строф — катренов, написанных четырехстопным ямбом с пиррихиями и удлинёнными клаузулами в четных стихах. Рифмовка перекрестная, с упорядоченным чередованием мужской (в нечетных строках) и женской (в четных) рифмы, которая всегда точная. Данный стихотворный размер позволяет включить в строку слова разных слогаударных типов, доказывая свою гармоничность, богатые возможности. Автор «Анчара» мог описывать таким размером явления природы, передавать переживания человека, создавать динамичную картину, рассказывать об исторических катаклизмах. Недаром его иногда называют «пушкинский ямб».

В этом стихотворении четко выделяются две композиционные части. Первая (первые пять строф) — лирическое изображение пустыни с одиноким деревом яда анчаром в центре. Вторая (строфы шестая-девятая) — лирическое повествование о рабе и владыке. Таким образом, стихотворение может быть отнесено к жанру описательно-повествовательной лирики. Возможно также выделить две микротемы — отношения в мире природы и отношения в мире людей, соответствующие двум частям текста.

Первая часть последовательно разворачивает картину смерти. Это достигается эпитетами — «в пустыне чахлой и скупой», «жаждущих степей», «зелень мертвую», «вихорь черный, тлетворный», «лист дремучий», «песок горючий» — ничто не способствует жизни, не несет ее признаков. Центральный образ — анчар — символичен. В первой строфе дерево яда рисуется через сравнение с «грозным часовым» и воспринимается прежде всего как одинокий, лишенный каких-либо связей пейзажный образ. Затем выясняется, что анчар враждебен всему живому, потому что напитан ядом и яд источает. Здесь важно развернутое олицетворение: «Природа... в день гнева породила, / И зелень... ветвей, / И корни ядом напоила». Анчар — порождение гнева — становится деревом смерти.

Но животные и птицы вольны не приближаться к анчару, вблизи него даже нет других деревьев, туча орошает его — «блуждая», «вихорь» — «мчится прочь».

Иные отношения в мире людей. Вторая часть позволяет считать, что главный композиционный принцип — контраст. В отличие от птицы и зверя, человек отправляется к анчару за ядом, но не по собственной воле, а по велению другого человека. Не случайно шестая строфа начинается строкой «Но человека человек». Здесь вместо четырех ударений — два. Мелодика стиха от такого сокращения только выиграла, он стал более звучным, убедительным. Безусловно важно, что действуют два человека, равные по своим изначальным правам и возможностям. В восьмой строфе они названы уже рабом и владыкой, потому что первый второго «послал к анчару властным взглядом», а второй «послушно в путь потек».

В последней строке восьмой строфы — «Непобедимого владыку» — ритм не совпадает с метром также с разницей в два ударных слога. Сбой ритма выделяет ее, делает более звучной, значимой.

В описании действий раба заметно многосоюзие — союз *и* соединяет глаголы-сказуемые: «потек», «возвратился», «принес», «ослабел», «лег», «умер». Так подчеркнуты абсолютная покорность, безропотность человека-раба. Но его смерть не завершение истории, а в определенном смысле начало.

Другой человек, «владыка», князь (в заключительной строфе указана уже социально-политическая характеристика) «гибель разослал к соседям», напитав ядом стрелы. Анчар становится средоточием зла, человек-владыка и человек-раб (его социальный статус как раз ослаблен) его проводниками.

Идея стихотворения заключается в последствии несвободы и причинах зла. Зло является последствием несвободы, несвобода — причиной зла.